

Алексей Гайдым

2019

Глава 1

Сказка стала былью

— Вставай, Никита, в университет опоздаешь!

Голос моего отца было легко различить даже спросонья, он был строгий ко мне, даже с самого детства. Что не так сделал — сразу порол ремнём, за это я его не любил. За его чересчур строгий характер.

В окно уже бросалось рыжими красками солнце, а небо плавно переодевалось в яркий окрас. Нехотя, с ленью и сонливостью, которые именно сейчас крепко вцепились в тело и разум, Никита поднялся с кровати. Протирая заспанные глаза, он пошёл в кухню, где уже завтракал отец. Тот доедал приготовленный в тостере гренок, запивая его чаем.

— О, встал сурок, — недовольно пробормотал отец. — Ты когда уже будильник поставишь?

— Ну забыл я.

— Забыл он, в следующий раз не разбужу.

Отец ушёл с кухни, доедая завтрак на ходу, он уже спешил на работу. Работал он начальником железной дороги: работа не из лёгких, не поспоришь. Можно было подумать, что он строгий,

потому что он начальник. Нет, он был воином-интернационалистом, воевал в Афганистане, там-то жизнь его и закалила, но иногда он не чувствует грани между воспитанием и насилием. Это было очень печально.

— Приедешь с универа, никуда не уходи, сегодня поможешь мне с машиной, — из коридора заговорил отец.

— Бать я сегодня не смогу, у меня уже планы.

— Что значит планы? — возмутился отец. — Значит, отмени их, мне всё равно.

— Я не могу, я уже с Женей договорился встретиться сегодня.

— Скажешь, что не сможешь, всё!

— Почему тебе наплевать на моё мнение, почему я должен делать то, что ты скажешь? Будто я не имею своего мнения и мне десять лет.

— Значит, не хочешь мне помогать?

— Нет, потому что я договорился!

— Это просто опять твои отмазочки, — отец махнул рукой и стал выходить с квартиры.

— Да-да, — Никита безразлично поумничал.

— Ну и вали куда хочешь! Не сына воспитал, а чёрт знает что! — отец грюкнул дверью и ушёл.

— Достал, — шёпотом сказал сам себе.

Ссоры с отцом бывали из-за пустяков, то там ему не помог, то там ему не угодил. Хотел бы он жить с мамой, но она уже не с ними.... Ни с кем.

Когда Никите было всего 6 лет, мать заболела раком. Как обычно случается, денег на дорогостоящую операцию не хватило, и смерть не стала долго ждать. Так Никита потерял маму, остался жить только с отцом, а всё, что осталось от матери — это фото в траурной рамке. Иногда Никита вспоминал её, как она выглядела, какой у неё был прекрасный и самый красивый голос. Хотя он её плохо помнил, боль в душе от этих мыслей всё равно терзала сердце, где-нибудь ближе к одинокому вечеру, когда остаётся один с мыслями.

Никита сидел за столом, попивая свежесваренный чай и смотря на утренний двор из окна. Глаза стали потихоньку просыпаться и картинка становилась чётче. Двор был спрятан в бледных, советских девятиэтажках. Красивая была Салтовка, хоть и однообразная. Самый большой жилой массив в Харькове. Вся Салтовка была усеяна девятиэтажными и шестнадцатиэтажными домами, как поле цветами, а мы, как те самые пчёлы, трудимся, не покладая рук, летая с цветка в улей, из улья на цветок. Никита жил на самой окраине города, с его балкона был вид на окружную дорогу, а с кухни вид бесконечные ряды белоснежных многоэтажек.

На часах уже было полвосьмого — пора собираться. Расхаживая по дому в трусах и майке, зашёл к себе в комнату одеться. Никита надел

голубые джинсы с порванными коленями, купленными на базаре. Сверху накинул светло-коричневую ветровку, которая была сейчас в моде. Его повседневный прикид. Закинул за плечи рюкзак, набитый нашивками и шевронами с логотипами рок-групп, и поспешил на учёбу.

На улице была весна, тихий ветер ласкал лицо своим прикосновением, а солнце грело своими слабыми весенними лучами.

Никита достал наушники, чтоб хоть как-то развлечь себя по дороге на учёбу и успокоиться после ссоры с отцом. Дошёл до автобусной остановки, на ней уже стояли люди и залезали в только что прибывший автобус. Он собирался уезжать, поэтому Никита поторопился и влез в самый край автобуса, вплотную к двери. Народу было много, и в салоне автобуса было тесно, но Никита привык так проводить каждое начало утра.

Единственное, что успокаивало в этой раздражительной обстановке, так это музыка. Никита любил музыку, особенно рок. Он считал его энергичным и мотивирующим к действиям, иногда успокаивающим. Этот стиль музыки был идеален для него. Ударные инструменты, электрогитара, бас-гитара, этот серьёзный и местами агрессивный голос зажигал пламя внутри.

Пока Никита улавливал ритмы ударных, басов и гитары, автобус подъехал к конечной остановке и,

как камень с души, освободил временных невольников.

«Героев труда» — часто посещаемое место среди харьковчан из-за рынка и одного из больших торговых центров в Украине. Здесь никогда не бывает безлюдно: кругом продавцы у прилавков, люди, идущие по своим делам, рабочие, которые трудятся над постройкой очередного нового магазина, который станет новой частью этого лабиринта. Центр города на его окраине.

С другой стороны дороги был виден торшер с буквой «М». Он гордо возвысился на шпиле и всем своим видом манил в метро. Туда и следовал Никита. На ступеньках сидели попрошайки, бабушки, торгующие цветами и музыканты, играющие неизвестные песни. Это был их дом, их работа, их жизнь. Среди толпы сидел темнокожий, на вид — ровесник Никиты, раньше его здесь не было. Он сидел с безразличным взглядом на выступе возле ступенек, в его руках была картонка с небрежно сделанной надписью «Помогите бездомному». Никита всматривался в него, в его лицо, смотрел на его тёмные ладони и его затасканную одежду, как вдруг он оглянулся на Никиту. Никита сразу отвернулся, ему было неприятно смотреть в глаза попрошайкам. Создавалось ощущение будто он смотрел на них свысока, это было для него морально тяжело.

Никита прошёл мимо, внутри было непонятное чувство вины, что очень сильно его терзало.

Синие автоматы с билетами, контролёр, пропускающий инвалидов и пенсионеров через турникеты, дневной свет, заменённый лампами, запах креозота. Да, это метро. Никита любил метро, даже запах пыли, который многие не любили. Никита прошёл через турникеты и стал спускаться к станции «Героев труда».

Белые колонны, с коричневой полосой, идущей вдоль, потолок сделанный из восьмигранных кессонов, входящий в гармонию со светильниками на громадных люстрах, гобелены в честь героев труда Советского Союза. Эту станцию можно было узнать из тысячи, она была строгая и торжественная — будто прямо сейчас на ней будет парад в честь героев труда.

По стене побежали зайчики от фар, постучали колёса по рельсам. Из тьмы появился поезд, осветил весь мрак в тоннеле и высвободился из него, тесного, тёмного на осветлённую, просторную станцию. Он начал плавно останавливаться, скользя по рельсам, и открыл свои двери пассажирам, впуская их к себе в гости.

Шустрые и проворные люди, как воробьи, сели на сидения, не оставив ни одного для Никиты, пришлось ехать у двери. «Ничего страшного, — подумал Никита, — можно и постоять, не

привыкать уже».

— Обережно, двери зачиняются, наступна станція... «Студентська», — голос низкого тембра прозвучал из динамиков вагона, после чего двери закрылись.

Светлая, просторная станция перешла в тёмный, неосвещённый тоннель, за окном хаотично мерцали кабели на стене, не отставая от поезда, плавали на кронштейнах, как на волнах в море. Люди в вагоне замерли, как марионетки, сидя и стоя, в ожидании своего конечного пункта. Никита тем временем разглядывал рекламные плакаты, которые были нацеплены на каждом углу вагона. В ушах играла музыка.

— Станція... «Студентська».

Полностью белого цвета, с необычными овальными колоннами, идущим волнистым потолком. На барельефах замерли навеки студенты, это их дом, смотрят на проезжающие поезда и проводят их взглядом. Двери открылись, принимая новых гостей.

Вместе с толпой озабоченных людей зашёл музыкант. Седые волосы и усы делали его старее, чем на самом деле. На голове красовалась восьмиклинка, а в руках уместилась старенькая, поцарапанная гитара. Двери закрылись, и из его гитары пошли ноты песен 80-х.

Никиту это раздражало, у него была своя

музыка в наушниках, но гитара по громкости звучания явно выигрывала, и перебивала все ноты рока.

— Ничего, потерплю, — в мыслях сказал себе Никита.

Музыкант уже был на другом конце вагона и собирал щедрые пожертвования от равнодушных пассажиров.

Вот и «Академика Павлова», от первых двух она отличалась отсутствием колонн. Широкий свод накрыл станцию своей дугой от стены до стены. На них блестели мозаики с разными картинками: биология, генетика, биохимия. Станция, посвященная великому творцу науки и всему, чем он занимался. Всё, чем он жил, теперь заложено в двух метрах под землёй — мавзолеем, превращённый в станцию метро.

Двери распахнулись, принимая на борт синего судна всё новых и новых людей, места становилось меньше и людям приходилось притуляться ближе друг к другу. Кто-то похлопал по плечу Никиту, он обернулся, перед ним стоял его одноклассник Слава.

— О, привет, Никитос! — Слава с улыбкой на лице поприветствовал Никиту.

Заросший чёрными волосами, с небольшой щетиной, сильный духом человек, который умеет добиваться целей. С ним всегда было приятно

пообщаться, может из-за общих интересов, а может из-за характера. И он скорее был не одноклассником, а другом, который учился вместе с ним.

— Привет, Славик! На учёбу едешь? — улыбаясь, пошутил Никита.

— Та нет, просто покататься решил, — в ответ улыбнулся Слава.

— Ну как там, мой рекорд не побил? — гордо спросил Никита.

Один из общих интересов был спидкубинг, в переводе на родной язык — сборка кубика Рубика на скорость, и Никита лидировал в этом состязании. Они могли соревноваться даже на парах. Правда, за это могли получать от преподавателей, но жажда победы была сильнее. Именно Никита и подсадил на это дело Славу, а тот, научившись собирать кубик, захотел перегнать Никиту. И как бы Слава не старался, он всегда отставал на пару секунд от Никиты. Учителя не перегнать.

— Прикинь, четырёх секунд не хватило, — с обидой сказал Слава. — Ну ничего, вот ещё поучусь и тебя уже догоню, вот неделю назад не хватало шести.

— Ха-ха, молодец! Моя школа! — Никите тоже стало немного обидно.

Темы разговора менялись всё больше, причём спонтанно. От сказанного последнего слова

появлялся повод для новой темы разговора. Поезд продвигался всё дальше, вглубь города. Народу стало совсем много, вплоть до того, что пришлось стоять и смотреть в упор на чужие затылки.

— Наступна станція... «Університет», — мужской голос с динамиков проинформировал.

Двери захлопнулись, те, кто не успел сесть в поезд, с досадой на лице ждали нового. Поезд покинул «Пушкинскую» и отправился в тёмные глубины тоннелей Харькова.

— Слышишь, следующая наша, — напомнил Слава на всякий случай Никите.

— Да-да, помню.

— Так, а на чём это я. А вспомнил, так вот, представь, все люди исчезли, и мы одни в мире и можем делать что угодно.

— Это ведь можно было взять в супермаркете всё, что захочешь, особенно еду, — у Никиты крутилась на уме одна еда.

— Ну, ты только о еде и думаешь, — с усмешкой сказал Слава.

— Я думаю, если бы это всё было в реальности, всё не было бы так просто.

— Почему? — заинтересовался Слава.

Монотонный, тёмный тоннель перелился в освещённые лампами станции цвета. Люди за окнами, ждущие поезда, расплывались от скорости. Поезд остановился.

«Университет». Большая, просторная станция, с балконами на верхнем ярусе. Колонны напоминали те самые, что и в университете, в честь которого и назвали эту станцию, превращая её в подземное здание, а большие люстры придавали станции величие. От просторности создавалось ощущение, что эта станция играла какую-то более важную роль, нежели просто станция.

Двери открылись, освобождая людей из тесного вагона. Вышли на станцию. Слава, так и не получив ответа на свой вопрос, спросил Никиту ещё.

— Почему говоришь? Ну, подумай сам. Электричества не будет, без людей оно, понятное дело, не будет вырабатываться, воды тоже. Если заболеешь, лечить тебя некому. Ну и самое опасное — в город придут дикие животные, а от них надо защищаться. Короче жизнь будет не такой сладкой, как ты её представляешь.

— Да, Некич, ты умеешь всё испортить, — сказал Слава, вздыхая.

— Та ладно, это ж сказки, такого никогда не будет.

Площадь Свободы — одна из самых больших в Европе, её размеры внушали величие, а красота завораживала, заставляя остановиться и рассмотреть её подольше. Эстетика и простота.

Вдали было видно три почти одинаковых

здания, они были одними из символов Харькова, первыми небоскрёбами в Европе. Здание Госпрома выглядело так, будто из одного небоскрёба сделали кучу маленьких, а затем собрали их в одно здание. С правой стороны было строение еле отличавшееся от самого Госпрома, различить её можно было только по колоннам в главном входе. Это и было место учёбы Никиты — Университет им. В. Н. Каразина, наверное, один из лучших вузов в Украине. Никита был далеко не отличник и, если бы не связи отца, он бы не поступил. Автоматизация и компьютерно-интегрированные технологии — специальность не из лёгких. Да, училось там тяжело: сессии, экзамены, постоянные срезы знаний, как игра на выживание. Оступись, и ты уже обуваешь солдатские сапоги.

Вход в университет был частью этой всей картины: шесть громадных колонн стояли вдоль и опирали аттик, а из главного корпуса, прямо над входом, выделялся небольшой торец размером с комнату.

Главный зал университета чем-то напоминал дворец: колонны, расставленные по всему периметру зала, балконы, виднеющиеся на втором этаже, люстры, как из древних веков, но вместо свечей были вкручены экономки. Ковёр, расстеленный от входа до главной лестницы.

— Ладно, давай поторопимся, — посмотрев

на часы в зале, предупредил Слава, — а то две минуты осталось до пары.

Лестница, второй этаж, третий, четвёртый. Длинный коридор с рядами дверей, которые отличались друг от друга только табличками с номером аудитории и названием.

А вот и нужный кабинет.

— Здравствуйте можно зайти? — они вежливо постучались.

В аудитории уже сидел почти весь поток, перед ними стоял преподаватель.

Павел Феликсович, преподаватель с большим стажем, отработавший не первый десяток лет. Небольшая, седая борода, русые волосы, очки придавали ему более молодой образ, чем можно было подумать. Любил иногда поговорить о жизни, поделиться с молодёжью опытом. Хороший был преподаватель, всегда шёл навстречу во всех вопросах и проблемах. Побольше бы таких.

— Давайте, быстрее заходите, — подгонял их Павел Феликсович.

Никита и Слава, не теряя времени, сели на свободные места, поближе к выходу.

Павел Феликсович не торопился проводить пару, ожидая пока придет ещё пара человек, закатил рукав и заглянул в свои часы. Пара уже началась две минуты назад, Павел Феликсович всё-таки решил начать.

— Так, ну что ребята начнём. Как вы знаете, уже весна, сессия не за горами. Ну, как мы и договаривались, на следующей паре должны быть сданы все лабораторные работы, предупреждаю, кто не сдаст, не будет допущен к экзамену.

Никита встревожился, его охватил страх от неготовности. Ведь он совсем забыл про них, всё откладывая на потом, вплоть до начала сессии. Боязнь не сдать лабораторки, значит, не быть допущенным до экзамена, а это значит — быть отчисленным.

— Павел Феликсович, а сколько должно быть работ? — спросил Никита, поднимая руку, чтоб его было видно.

— Двадцать одна, — отрезал Павел Феликсович. — Вы же, надеюсь, их сделали?

— Да, конечно! — не краснея, соврал Никита.

— Это очень хорошо, — похвалил Никиту Павел Феликсович.

— Хорошо, — сказал сам себе, переходя на шёпот, — блин, твою же за...

Дела были плохи, за два дня требуется написать двадцать одну лабораторную работу. За такие сроки Никита вряд ли справится, особенно, если они по физике. Особенно, если не откуда списывать. Нужна была идея. План по спасению.

— Слышишь, Слав, есть идеи по написанию лабораторных работ? У тебя же тоже нет ничего?

— Угу, — печально обезнадёжил Слава.

— Хм — м, слушай, а если поделить их пополам? Ну, например, я пишу первую половину работ, а ты вторую. Потом переписываем друг у друга. А?

— Каждому по десять, плюс одна кому-то вдобавок? — прищурился Слава. — Не. Не успеем.

— Давайте я с вами! — вдруг сбоку послышался голос Яши. — Втроём быстрее.

Яша был их одноклассником. Расчёсанные на правый бок и вверх волосы, горбатый нос, уши были тонкими и плоскими. С первого взгляда скромный человек, с ним всегда приятно общаться. Его минусом была — лень, часто из-за этого у него были проблемы.

— О, Яша! А мы про тебя забыли, давай с нами! — вспомнил про Яшу Слава.

— Ну вот, уже лучше, нас трое, — обрадовал Никита, — А значит, каждому по семь. Уже легче.

— Ну и договорились. Один за всех, — Слава произнёс это с интонацией, заставляющей закончить фразу.

— И все за одного!

— Ну-ка, третий ряд, замолчали! — перебил Павел Феликсович.

Пара продолжилась в молчании, и лишь Павел Феликсович развеивал недокучливую тишину своим голосом.

Никите не хотелось идти на этот факультет, не видя себя в будущем, но так сказал отец. Он сказал, мол, будешь работать у меня. Электросвязь — штука очень сложная, и не очень уж интересна ему, но за год уже успел набраться знаний. Электропитание сетей связи, телефония, микропроцессорная техника, радиосвязь, системы телефонной коммутации, электротехника. От этого всего Никиту уже тошнило.

Никита больше всего мечтал путешествовать, каждый точно об этом мечтал. Взять, забросить всё и отправится в бесконечный путь сего мира, побывать в разных странах, посетить самые знаменитые места, побыть в пустошах мира, давно забытых человеком. Исследовать для себя неизвестное. Заняться саморазвитием. Отправиться куда угодно, но не в университет на учёбу или домой к отцу.

Время шло, прошедшие минуты уходили в забвение, перед глазами тетрадь, преподаватель диктует лекцию, конец пары. Перерыв, начало пары, перед глазами тетрадь, уже другой преподаватель диктует лекцию.

Замкнутый круг.

* * *

На часах оставалось пять минут до конца

последней пары. Пять минут до свободы, они как назло шли не спеша, будто время замедлилось во всём мире, заставляя сидеть на паре дольше. Всегда ведь так, не правда ли?

Жутко бесит.

— Ну что же, пара окончена, все свободны, увидимся завтра.

Все вышли с аудитории. Теперь у всех своя дорога, кому домой, смотреть любимые сериалы. Или на тренировку сразу же после учёбы. А кто по личным делам. У Никиты сегодня была назначена встреча с лучшим другом Женей. Он друг детства, тот самый человек, с которым провёл всё своё начало жизни. Друг, который выручит в любой момент, которому ничего не должен, ибо помощь друга бесценна. Но их дружбу разделяют десятки километров. Друг с одного двора теперь живёт на Холодной горе, на совсем другом конце города, но это не мешает им видеться и общаться.

Ведь расстояние — ничто, когда люди что-то друг для друга значат.

Они договорились встретиться возле университета Жени, его пара заканчивалась на полчаса позже. Отсюда до него было рукой подать. Университет радиоэлектроники, ХНУРЭ, был рядом с «Научной», путь пешком составлял примерно столько же, сколько и оставалось до конца пары Жени.

Деревья, тротуар, аллея, слева показывал себя во всей красе Госпром: большое здание, занявшее место посередине площади, между университетом им. В. Н. Каразина и ХИБМом, институтом бизнеса и менеджмента. Сверху, на крыше Госпрома, виднелась весьма внушительных размеров вышка, из-за чего он и казался таким большим и грациозным зданием.

Проспект Ленина, один из самых длинных проспектов в Харькове. Его конца было не углядеть на горизонте, а протяженность была, чуть ли не до конца города. Прямо по центру стоял памятник казаку Харько, тому самому, кто выдворял татар с наших земель, в честь которого и назвали город. Он сидел на своём бронзовом коне, держа в руках копье, по сей день, обороняя город своим бессмертным обликом.

Справа был ещё один университет, такое же старое большое строение, не потерявшее с возрастом красоты. В центре города было очень много вузов, на каждой площади, на каждом проспекте стоял хотя бы один институт или университет. Не зря ведь сюда едут иностранцы со всех континентов, чтобы получить образование именно здесь. Именно в Харькове. В городе студентов.

Эта дорога для Никиты была бы скучная, если не его наушники. Потому что музыка — это не

просто набор нот с голосом на заднем плане, это что-то больше. Музыка помогает нам, когда нам скучно, мы включаем музыку, чтоб нам было весело, или, наоборот, когда хочется подумать о жизни. В современности это уже, как зависимость, но она не вредна, она только в помощь.

Уже на подходе «Научная», справа из пятиэтажек выглядывали торцы высотных зданий, а проспект всё так же был длиннющим. Слева, за торговым центром был мемориал воинам-интернационалистам. Сюда приходил отец с Никитой, чтоб помянуть своих друзей, про которых остались лишь воспоминания. Память о близких людях остаётся в нас. Даже когда человека забирает смерть, в нас остаётся частичка от него. Она продолжает жить в нас.

Оставалось пару минут до конца Жениной пары, а Никита уже сидел у главного входа университета. Яркое солнце, греющее своими лучами, утонуло в свинцовых непросветных тучах. Ветер схватил деревья и тянул за собой листья на них. С неба начал моросить прохладный дождь.

Приятную мелодию в наушниках перебил звонок, Никита достал телефон, в надежде, что это не отец, который прикажет идти домой. Посмотрел на экран.

Отец звонит.

Он знал, что отец будет его прогонять домой,

несмотря ни на что. Сбросил. Он устал от того, что отец говорит, что ему делать, от того, что ему наплевать на его мнение, что он не умеет соглашаться. Никита вспомнил сегодняшнюю ссору с отцом, настроение, которое копилось в малых количествах, за день так и упало на самое дно. Взбалтывая на этом дне осадок злости и отчаяния, безвозвратно растворил настроение. Дождь понемногу становился сильнее, превращаясь из надоедливых морозящих капель в большие и кучные.

— Привет! Чего такой кислый? — кто-то встал перед душой.

Пока Никита брёл в своих мыслях, совсем не заметил, как Женя уже пришёл с пар и подошёл к нему. Его улыбка была искренней и доходила до ушей. В отличие от Никитиной. Видимо, его настроение ничем не испортить, ни дождём, ни утомительным днём, ни плохим настроением друга. Он был ниже ростом, чем Никита, и его белобрысые волосы развивались на ветру и быстро намокали под дождём.

— Та так, ничего. Опять отец, — уныло ответил Никита.

— Хм, снова? — улыбка Жени превратилась в серьёзный взгляд.

Дождь не собирался слабеть, а только набирал свои обороты, оставаться под открытым небом уже

не хотелось. Одежда стала неприятно промокать насквозь.

— Слушай, может, зайдём, перекусим? Могу угостить, — предложил Женя.

Дождь, не оставляя выбора Никите, заставил согласиться с Женей.

* * *

Рассказав всю историю с отцом, они ещё пару минут сидели, разглядывая в окно тарабанивший дождь. Рассматривая светящийся, мокрый асфальт под лучами фар проезжающих машин, Никита пил с Женей кофе за небольшим столиком.

— А ведь знаешь, — решил погасить тишину Женя, — ведь у меня тоже были такие отношения, только с матерью. Ну, а я что, я взбесился. Сказал, я ухожу из дому. День я шлялся, второй. Меня даже искать начали, но я не сдавался из-за принципов. Пока деньги не кончились, пришёл домой, думал, сейчас получу трындюлей. А она меня обхватила будто, если отпустит, то больше меня никогда не увидит. Заплакала и стала извиняться. Вот, с тех пор у нас хорошие отношения в семье.

— Почему ты мне это никогда не рассказывал? — внимательно послушав историю, спросил Никита.

— Не люблю такое рассказывать.

Дождь стал стихать, растворяясь, уходили тучи. Солнце уже садилось, её вечерние, золотые лучи падали на мокрый асфальт, от чего он начинал блестеть. Пора было ехать домой.

Допив чай и докушав круасан, купленный за шесть гривен, Никита встал со стула и направился с Женей на выход. На дороге образовалась пробка, все ехали домой, и даже широкий проспект не мог уменьшить её. Никита с Женей спустились в метро.

* * *

Станция «Научная» была похожа немногими чертами на станцию «Университет». Облицована тем же мрамором, колонны были круглые и белого цвета, держащие сверху второй ярус с балконами, а стены были покрыты таким же коричневым мрамором, как и «Героев труда». На электронном табло, что висело над тоннелем, было шесть часов вечера, люди столпились и ждали прибытия поезда.

— Как ты думаешь, если я попрошу прощения у отца, мы помиримся?

Женя медленно обернулся на Никиту, аккуратно посмотрев на него, уставился обратно в стенку.

— Попроси, жизнь коротка, чтобы проводить её в обиде, — Женя попытался вообразить из себя философа, что у него выходило на тройку.

Никита серьезно задумался о сказанном Женей. Ведь отец — единственный его близкий человек. Из тоннеля дул сильный ветер. Прибывающий поезд выталкивал воздух как поршень в цилиндре, буквально выдавливая его из тоннеля.

— Шановні пасажири, будьте уважні, на станцію прибуває електропоїзд. Відійдіть від краю платформи, — голос с громкоговорителя объявил приближение поезда.

Состав с шумом и гудением вылетел из тоннеля и стал плавно тормозить, остановившись, открыл двери для пассажиров.

В вагоне была тишина, в которой шумели колёса поезда и электродвигатель. Людей было столько же, сколько и утром, их лица были уставшими, вымотанными от ежедневной работы, свет от ламп уже казался тусклым. Или это просто устали глаза?

— А ведь знаешь, ты прав, — Никита решил поделиться мыслями с Женей. — Ведь из родных, кроме него у меня никого нет, и если вдруг что-то произойдёт, я останусь один.

— Вот и я тебе о том же, — согласился Женя. — Я бы на твоём месте помирился.

Никита уткнулся взглядом в стенку тоннеля, смотря, как свет из вагона падает на танцующие кабели, простирающиеся по всей его высоте.

— Станція... «Держпром». Перехід на станцію «Університет» до поїздів Салтівської лінії, — двери открылись, выпуская людей на станцию.

Никита с Женей вышли на платформу, направляясь к переходу на «Университет», стены перехода были в синей плитке, светильники шли по центру перехода и были перекрыты решёткой. Поворот, подъём по ступенькам, ещё поворот, подъём, станция.

Тут и расходились пути Никиты с Женей. Жене надо было ехать на «Исторический музей», чтобы пересесть на красную ветку и доехать до Холодной горы. Никита ехал в противоположном направлении, от центра города до Салтовки. Они попрощались, пожав друг другу руки.

— До встречи, Жек, спасибо, что поддержал.

— Ещё увидимся.

Дальше путь был в одиночестве, и, подойдя к краю платформы, Никита достал наушники и воткнул их в уши. Зайдя в списки песен, включил первую попавшуюся. Это был рок в стиле пост-хардкора, взрывное начало пробудило Никиту от усталости.

Он устал, день был долгий, и хотелось просто ни о чём не думать. Отложить дела на потом. Лечь поспать. Желудок урчал, прося еды. То, что он поел в закусочной, было недостаточно. Хотелось чего-нибудь посытнее: супа или жареной картошки,

с жареным куриным мясом. От этих мыслей Никита больше проголодался.

Приполз долгожданный поезд, вместо обычного синего цвета, он был разукрашен в жёлтый цвет, с картинками конфет и названием фирмы. Даже поезд метро не может дать покоя мыслям о еде. Двери распахнулись, Никита успел сесть на сиденье. Не часто даются моменты, чтобы можно было посидеть. Наконец-то можно расслабиться.

Клонит в сон. Даже громкая агрессивная музыка уже не может взбодрить. «Надо потерпеть, постараться не уснуть, дома уже спокойно посплю. Глаза закрываются сами. Ладно, с закрытыми глазами посижу, не усну ведь».

* * *

— Молодой человек, вставайте, конечная, — голос разбудил Никиту.

Перед ним стояла молодая дежурная по станции в красном головном уборе и в руках у неё была сигнальная табличка.

— Не уснул, — сказал про себя.

Отходя от сна, Никита вылез с вагона. Непонятное чувство, когда проспал полчаса и оказался в другом месте, чувство потерянности. На часах уже было 18:44, надо поторопиться. Дома

предстоит написание лабораторных работ. Со станции уже вышли все, кто ехал вместе с Никитой в одном поезде, на станции было мало людей. Начал подниматься по ступенькам, прошёл турникеты, вышел в переход. В нём ещё сидели продавцы у своих прилавках, они уже понемногу закруглялись и сворачивали свою торговлю. Пошёл дальше, к ступенькам. Выход в город, на ступеньках остался сидеть тот тёмнокожий, что и сидел с утра. Никиту охватило чувство жалости, и поддавшись неведомым силам, рука сама потянулась в кошелёк. Никита решил дать этому бедняге пятёрку, положил ему в коробку с мелочью, в которой уже лежало пара купюр и горсть мелочи.

Тёмнокожий паренёк поднял голову, узнав Никиту, хоть и встречался взглядами пару секунд.

— Спасибо тебе, дружище, — тёмнокожий улыбнулся от полученной щедрости.

Никита сам не знает, почему это сделал. Может, великодушие проснулось, а может, разговор с Женей повлиял на него. Он остался один, никому не нужный, сидящий днями на этих ступеньках, прося помощи. Получая пару гривен от жалости, покупает себе батон, чтобы прожить ещё день и не видя будущего в завтрашнем дне. Разве такая у него должна быть жизнь?

Солнце ещё не село за горизонт, держась из последних сил на нём, небо было безоблачное,

будто и не было сегодня дождя. На пешеходном переходе собрались люди, ожидая зелёный, тем временем машины летали по дороге. Музыка ещё поддерживала моральный дух и настроение, которого осталось совсем немного.

Вот и зелёный, знак того, что путь свободен и можно идти. Люди стали переходить дорогу, Никита, не отставая, пошёл за толпой.

Музыка, играющая в наушниках, вдруг закончилась с неприятным треском, будто по ним прошли помехи и замолкли гробовой тишиной. Никита вынул наушники из ушей, они настолько громко покончили свою жизнь, что слегка оглушили его. Никита надел их ещё раз, в надеждах, что они заработают.

Тишина.

Жаль было наушники, стоили они не дёшево, а сдались, как китайская подделка. Никита уже подошёл к автовокзалу, где была прилично большая очередь на автобус нужного ему маршрута.

И так каждый день. Каждый день просыпаешься в семь утра. Каждый день едешь на учёбу, не понимая даже зачем. Каждый день убиваешь нервы в общественном транспорте, проводя полжизни в очереди, а потом в битком заполненном автобусе.

Теперь не так уж и уютно: быть без наушников, слушать шум города и разговоры

людей.

Сирена.

Никита от неожиданности поднял голову и начал оглядываться. Это была сирена воздушной тревоги. Через пару секунд успокоился. Ничего обычного. Очередная учебная тревога, их часто проводили в городе. Но всегда есть доля страха того, что она может оказаться не ложной. Люди поблизости были такого же мнения.

На горизонте, в самой дали, показалось что-то странное. Необычное. Вдали было видно белый столб дыма, будто там прошёл запуск ракеты в космос. Выше было видно сияние той самой ракеты, и оно стремительно набирало высоту. За ней стартовала вторая, поблизости, с краю, была выпущена третья.

Страх и непонимание происходящего охватило Никиту с ног до головы. Это уж точно не может быть случайностью: ракеты вдали, сирена. Это война? Надо что-то делать.

Люди смотрели на это, пытаясь всё увидеть за торцом стоящего напротив здания, они были в ожидании чего-то.

С той же стороны, где вылетел трёхглавый всадник смерти, возшло второе солнце. Оно вспыхнуло ярче, чем то, что было настоящим солнцем, и обрело форму ядерного гриба. Послышался шум, напоминающий бесконечный

гром, нещадно трясущий окна и не жалеющий барабанных перепонок. Тут-то и затряслись ноги от ужаса происходящего, а волнение, изнуряющее живот, заставляло немедленно действовать.

Люди бежали в сторону пешеходного перехода, Никита, поддавшись стадному инстинкту, решил побежать за ними. Возможно, они знают, где спасение. Сирена не умолкала, всё погасала и снова возбуждалась. Начали перебегать дорогу, на ней стояло много машин, брошенных на произвол судьбы, их владельцы бежали за всеми остальными. Люди стремились в сторону торшера с буквой «М» и пропадали из виду, спускаясь вниз.

— Конечно! Метро! — наконец-то понял Никита.

Не зря же метро было не только, как способ передвижения, но и бомбоубежище для всего города. Главное успеть добраться.

Двери входа метро были настежь открыты под давлением людей. Ступеньки, были опасным местом. Люди эгоистично толкались и отпихивали в стороны, из-за чего можно было упасть вниз и быть растоптанным. Почти в конце спуска, лежали затоптанные толпой люди. Те, кто отставал или отвлекался, оказывался погребённым заживо.

Их спасение закончилось на полпути.

Впереди были работники метрополитена и вооружённые укороченными автоматами

Калашникова полицейские, пропускающие людей на станцию. Работники раскрывали железные загородки на стене, за ними скрывался большой, высотой до потолка гермозатвор, который и должен был защитить от всех напастей.

Лейтенант нервно посматривал на часы, отсчитывая секунды до чего-то. Никита прошёл через эти ворота, оглядываясь назад на них. Лейтенант, стирая пот со лба рукавом, перестал смотреть на часы. Спрятал их под мокрый рукав.

— Закрывать заслон! — прозвучала команда лейтенанта.

Двое полицейских загородили проход. Угрожающе подняв дула автоматов и сняв их с предохранителя, не пропускали больше людей.

— Пустите, черти! Что же вы делаете, тут нас хотите оставить?

— Стоять! — лейтенант поднял дуло вверх и выстрелил в потолок. Автомат грохнул, с потолка откололся кусок побелки и свалился на пол.

Люди отступились, пользуясь моментом, работники метро покатали гермозатвор из стены наружу, закрывая проход.

— Не — е — е — ет, стойте!

— Меня оставьте, хотя бы ребёнка заберите.
Прошу!

— Уроды, та чтоб вы там передохли все!

— Оборотни в погонах, чтоб вас всех пере...

Громадные задвижные ворота врезались в другую сторону стены, полностью отрезая проход. Люди кричали и били по ней, их крик перебивал звук запечатывания затворов, которые намертво влезли в стену. Теперь эту стену ничто не сдвинет. Через неё не проникнет даже пылинка. Ужасная картина спасения людей, убийством других.

Двум смертям не бывать, а одной не миновать.

Люди, спрятавшиеся на станции, были обеспокоены, ожидая самого страшного. Ожидание было неприятное, раздирающее внутренности, а время длилось, как вечность. Все ждут представления, которое приготовил им сам дьявол.

Он вышел на бис.

Прозвучал громкий, гулкий взрыв. Бесконечный гром, раскатившийся по всему миру, заставлял дрожать даже лёгкие. Через пару мгновений земля вздрогнула будто на неё что-то обрушилось. Надавило.

Погас свет.

Прямо у ног Никиты упало что-то громадное и вдребезги разбилось об пол. Люди стали без умолку кричать и сходить с ума. Снова упало, но уже в другом конце станции. Кто сказал, что в аду будет светло?

Тишина.

Включился аварийный красный свет, тусклый, непривычный, в котором нельзя было рассмотреть

даже свои ноги. Свет ламп показал всю ужасную картину, произошедшую в крошечной темноте. На полу лежала люстра, под ней были раздавленные дедушка, маленький мальчик и ещё двое мужчин. Это первый раз, когда Никита увидел мёртвых людей. Его охватил панический страх.

— Не смотри туда, посмотри на меня, — отец пытался уберечь от кошмарной картины свою дочь.

— Что произошло? — люди начали отходить.

— Это война?

— Вы видели это?

— Андрюха! Андрюх, ты тут?

— И что теперь будет?

Никита вспомнил про отца. Что-то внутри стрельнуло, прямо в самое сердце. Попытался найти его на станции, вдруг он тут. В тусклом свете было не разглядеть лиц, но узнать лицо отца можно было бы. Пройдя половину станции, так и не нашёл его среди выживших.

— Может тут? Может это он? Пап! Ой, извините. Чёрт!

Отца на станции не было. Может, он шёл с работы и спасся на другой станции. Достал телефон, начал набирать отца.

— Ваш абонент знаходиться поза зоною досяжності. Передзвоніть будь ласка пізніше, — голос девушки в телефоне не оставил шансов связаться с ним.

Убрал от уха телефон, посмотрев на экран.

Нет сети.

От безысходности Никита прижался спиной к колонне, медленно и безразлично сползая на гранитный пол.

Что за дьявольщина вообще произошла? Что с моим отцом? Где он? Выжил ли он? Когда нас отсюда выпустят? Я не хочу в это верить. Это просто сон. Это всё просто дурацкий сон.

Это не сон.

Каково это — быть свидетелем конца истории?

Глава 2

В мраморном плену

Мир уничтожен, всё, что было сделано человеком, было разрушено вместе с ним. Люди не понимают ценности жизни, убивая себе подобных ради денег и власти, забывая о том, что они — один биологический вид, вплоть до своего исчезновения. Отмывая свои по локоть в крови руки, героями становятся убийцы. А этими марионетками играет кукловод, заставляет их верить в то, что их поступки благородны.

Сегодня, 12 апреля 2016 года, умер город Харьков.

Никита сидел на холодном полу, беспомощно

прижавшись к колонне. Он до сих пор не мог поверить в то, что происходило последние десять минут. Рядом кто-то непринуждённо подсел. Никита поднял взгляд и увидел перед собой темнокожего парня, который сидел у входа в метро.

— Ты не против? — спросил он у Никиты.

— Не против, — Никита не спеша подвинулся.

— Меня Дарвин зовут, — темнокожий начал разговор.

— Меня Никита, — Никиту заинтересовало такое имя, ведь не часто встретишь человека с именем Дарвин. — Красивое у тебя имя, необычное.

— Та нет... Меня люди с детдома нашли на этой улице... Так и называли, — лицо Дарвина стало хмурым.

— Извини.

Наступило неловкое молчание, люди на станции перестали суетиться, кто уселся на скамейки, кто на пол. Устали стоять на месте.

— Ты кого-то искал на станции? — заинтересовался Дарвин.

Их разговор прервал работник метро, он попросил всех выслушать его.

— Внимание! Все слушайте сюда! В связи с непредвиденным инцидентом, произошедшим сегодня, мы все должны провести во временном

укрытии, то есть на станции, трое суток. После ч...

— Зачем аж три дня, почему не сейчас? — из толпы возмутились.

— Попрошу не перебивать. Спасибо. Через три дня радиационный фон на поверхности спадёт до приемлемых значений для эвакуации из города в ближайшие населённые пункты. Для благоустройства во временном убежище есть служебный туалет, сухие пайки, консервы и питьевая вода. Спасибо за внимание.

— Ну хоть не подохнем тут, как последние собаки, — проямлила бабка.

— Радиационный фон? Это что, ядерная война?

— Три дня я не продержусь! Господи. У меня клаустрофобия.

— Слышал? Нас спасут! Мы будем жить!

— Слава богу, главное, дожждаться.

В людей вселилась надежда на спасение, которое должно прибыть неизвестно как и откуда. Отвести туда, неизвестно куда. Вдруг больше нет выживших городов? Вдруг нет больше никого? Никакой большой земли, а лишь одни океанские пустоши? Мы следуем регламенту с завязанными глазами и ушами, полагаясь на одну интуицию. Веря в то, что спасение придёт к нам и вытащит нас из дыры.

Хотелось верить в лучшее.

По платформе метались продавцы с товарами, используя даже такой случай в качестве прибыли. Продавали от еды до всякой всячины, брелки, зажигалки, лейкопластыри, сигареты. Возможно, деньги уже никому не понадобятся. Но они об этом пока что не думают.

— Дайте поштучно семёрочку, — позвал продавца сигарет молодой, коренастый мужчина.

— Сколько, одну, две?

— Одну.

— Три пятьдесят, — ответил продавец, взяв из пачки одну сигарету.

— Давайте, — мужчина уже отслюнявил с кошелька сумму.

Мужчина уже отдал свои деньги за сигарету, только поднёс ко рту, как на него накинулась дежурная по станции.

— Курить запрещено! — отхватила сигарету прямо со рта и закинула себе в карман.

Мужчина с расстроенной гримасой продолжил стоять с зажигалкой, поднесённой к невидимой сигарете, провожая недовольным взглядом дежурную по станции. Порядок есть порядок.

Дарвин пропал из виду: пару минут назад стоял рядом с Никитой, а спустя мгновение, его уже нет. Никите представился момент подумать про всё, что было и есть наедине с самим собой.

Все жалеют о том, что не сделали. Он думал про звонок отца, последний звонок. Про то, что он сбросил, даже не зная его намерений. Что он хотел ему сказать? Вдруг он не собирался кричать на него, а первый хотел попросить у него прощения? Да, в это мало верится, но люди способны меняться. Теперь Никита никогда об этом не узнает.

Никогда.

Захотелось побродить. Надоело стоять на месте. На часах было восемь часов вечера, хотя имеет ли это теперь смысл? Какая разница, сколько сейчас время? В метро, при аварийных лампах. Здесь постоянная темнота, вне зависимости от времени суток. Люди на станции сидели на платформе, пытаясь убить время ожидания, а ожидание убивало их внутри. Свет аварийных ламп теперь заменял солнце, красное, тусклое, потухающее от старости. Поднялся вверх по лестнице к вестибюлю. Он был пуст, одинокие, обесточенные турникеты, стояли раскрытыми. За стеклянными дверьми был переход, в котором был запечатанный гермозатвор, спасший от смерти спасшихся в метро. Погубивший тех, кто этого сделать не успел. Никита прислонил ухо к железному заслону.

Тишина.

Вряд ли кто-то смог выжить, а если и выжил, то тому не позавидовать. Рядом стояла бывшая

касса, в которой продавали жетоны. Никита застал это время, когда в метро пользовались жетонами, они были разными: прозрачные, ярко-оранжевого цвета, грубо-зелёные, голубые. Последними были зелёные, перед тем как Харьков перешёл на цифровую технику и старые, работающие на фотореле турникеты, заменили на красивые и новые. Теперь достаточно было купить бумажный билет в автомате и поднести его к турникету. Он его заглатывал, и путь был свободен.

Со ступенек было видно всю станцию, как на ладони, красный оттенок ламп придавал ей мрачности. Будто здесь проходили съёмки очередного фильма ужасов из девяностых. Никита не хотел спускаться обратно к людям. Увидев балкончик над путями, направился к нему. Залез на него, свесив ноги над рельсами, прислонился к самому углу у стены. С балкона можно было увидеть только половину станции. Вторую половину закрывал потолок, который становился уровнем ниже после двух колонн от вестибюля. Под ногами шли рельсы и шпалы, разделённые на две части лотком.

Никита до сих пор не мог поверить, что всё это наяву. Может, он спит, а это всего-навсего страшный сон, и вот он уже должен проснуться, после того как уснул, уезжая домой на метро?

Ущипнул себя за руку. Больновато, значит, не

сон.

— Это не сон, — утвердил себе Никита.

— Привет, — сзади послышался уже знакомый голос.

Никита обернулся, это был Дарвин, он присел вместе с ним на балкончик. Разрешения он уже не спрашивал.

— Почему ты решил подружиться со мной? — спросил Никита.

— Я не знаю. Может, потому, что ты мне запомнился. Помог мне. Я ведь никого не знаю и искать мне некого. Я один.

Никита заглянул в карие глаза Дарвина, затем на пути. Долго молчал, но всё-таки решил сказать.

— Я искал отца. Мы с ним... Поссорились прямо перед тем, как всё это произошло, я уехал на учёбу, потом я пошёл гулять с другом. Как только домой начал ехать, тут это... Ну ты понял. Я надеялся его здесь найти, но я не нашёл. Теперь даже не знаю, что делать.

Дарвин выслушал всё. Возможно, он не поймет, что значит потерять отца, его память не застала родителей, но фантазия нарисовала свои облики. Он поразмыслил у себя в голове, потом отмахнулся от придуманного в ней.

— Извини, сочувствую, — ответил Дарвин, положив руку на плечо Никиты.

Молчание, только топот и глас людей слегка

подавлял её. Дарвин оказался нормальным парнем, как и все остальные, это доказывает то, что все мы люди одинаковые, будь ты темнокожим, бледным или китайцем, да хоть кавказцем — какая разница? Мы отличаемся только снаружи, а всё остальное зависит от тебя самого.

Мы все разные.

— Знаешь, а ведь у меня не было друзей даже в детдоме, — вернул разговор Дарвин, — только лишь потому, что я чёрный. На меня смотрели с отторжением, будто я не человек, старались со мной не общаться, обходить стороной. Много раз приходили молодые пары, чтобы взять себе ребёнка, они брали всех «нормальных», стараясь не смотреть на меня, чтобы не обидеть, наверное. А тем самым делали мне больнее. Я оттуда сбежал, и вот в свои семнадцать лет живу на ступеньках перехода метро. Я не умею жить. Я только лишь существую, выживаю.

Никита понял то, что жизнь Дарвина намного хуже, чем его. То, что это не Дарвин не поймёт, каково это, а он сам.

— Сочувствую, — пособолезновал Никита и, немного помолчав, продолжил: — Теперь у меня тоже никого нет. Я один.

Дарвин сидел, задумавшись, смотрел вдаль. Почему он вообще разговаривает с Никитой? Почему он решил к нему подсесть? Ответа не

находилось. Просто два человека, брошенных в одиночестве. Они нашли друг друга.

— Раз уж так, то... Можно ты будешь моим другом? — спросил, заглядывая в глаза Никите, спросил Дарвин.

У Никиты никогда не было темнокожего друга, он только видел их в университете. С Дарвином было приятно поделиться горем. Никита, соглашаясь, кивнул.

— Хорошо. Спасибо, что выслушал, мне больше и не с кем говорить, — поблагодарил Дарвин.

— Знаешь, у меня никогда не было чёрного друга, — Никита уныло улыбнулся.

— А у меня никогда не было друга, — Дарвин замолчал и опустил голову. Он был огорчён от своих же слов.

— Ладно, спать пойду. Говорят, там спальные мешки стелют для людей, — сказал Дарвин, слезая с балкончика. — И тебе советую, нам тут еще три дня сидеть.

— Иди. Я потом.

Смирение. Насколько быстро человек может привыкнуть к окружающей среде? С утра пить кофе с пряниками, а вечером пить с общей колонки и питаться консервами, погребённым заживо. Утром общаться с коллегами по работе и друзьями, а вечером того же дня искать их среди живых.

Ситуация меняется, а вместе с ней меняются и люди, адаптируются под неё. Человек тот самый таракан, который выживет даже при ядерной войне или конце света, прячась в щелях от опасности и пережидая её, пока она не пройдёт.

На часах было пол-одиннадцатого, выжившие утихли, кто попросил спальные мешки, кто уже спал прямо на полу, прижавшись к колонне. Кто нервно маячил по станции, пытаясь найти покой. Никита не хотел спускаться вниз на платформу, он уже негласно забронировал место у билетных автоматов. Здесь было тихо, пусто. Здесь был покой в океане беспокойства. Вестибюль был полумрачный, его освещало пару аварийных ламп по центру, оставляя его стены не освещёнными.

Приложив рюкзак, как подушку, около края стены, Никита лёг на холодный гранитный пол, пытаясь лечь поудобнее, насколько это было возможно. Очень не хватало наушников, которые предательски умерли ещё на подходе к автобусу, не было того самого духовного наставника, психолога — музыки, которая бы помогла хоть чуть-чуть расслабиться, снять напряжение.

Эта тишина сильно угнетала. Не давала покоя.

Уснуть было невозможно, хоть Никита и лежал, наконец-то устроившись удобно на полу, его сердце билось обеспокоенно, в голову лезли без спроса разные мысли. Что с отцом? Где он? Что

произошло? Это война. Мы похоронены. Ждать три дня. Целых три дня. Под землёй. Стоп.

Надо было просто перестать думать и постараться уснуть. Просто найти тот самый выключатель в голове. Если уснуть сейчас, то можно скоротать время томительного ожидания, надо только постараться. Это ведь просто.

Никита зажмурил глаза, в надежде, что выйдет уснуть, но организм так не думал, открывая по своей воле глаза.

— Нет, так не выйдет, — сказал в мыслях Никита, — Надо отвлечься. Например... Посчитать до ста. Просто считать цифры. Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять, одиннадцать, двенадцать...

* * *

Небо, красивое и ясное, на нём летят тучи. Никиту настигла невыносимая боль, будто его разорвали на много частей, при этом, оставив в его живых. Начал водить руками под собой, кругом битое стекло, руки были все в крови. Захотел подняться, но было настолько больно, что хотелось покинуть это тело, освободить себя от страданий. Закричал.

Встал весь в поту. В глазах темнота. Среди мрака смог разглядеть вестибюль, он плохо

освещался. Это был сон. Просто кошмарный сон. Сознание может и не такое показать во сне, от чего становится жутко, даже если проснёшься. Этот сон отличился тем, что он был почти, как наяву. Спать уже не хотелось, Никита поднялся. Вылез на балкон, люди ещё спали. Посмотрел на табло, что висело над путями. Час ночи. Недолго вышло поспать, хотя при такой обстановке поспишь ли?

Захотелось немного пройтись.

На станции было тихо, только полицейские и пару выживших не спали посреди ночи, страдая как Никита. Он решил спуститься на платформу.

Гладкий, белый мрамор, облицованный на колонне, скользил под рукой. Перед лицом был бронзовый барельеф двух рабочих, один из них гордо держал в руках миниатюрный трактор, а у второго в большущих руках был шпатель. Чуть дальше была ещё гобелена. На ней был изображён герб Советского Союза. Никита аккуратно проходил через людей, стараясь не зацепить их, кругом были раскиданы вещи и мусор. Станция быстро превратилась в приют для бездомных. Следующий барельеф был в честь Владимира Ильича Ленина: из круга развивались ветром красные флаги, а он сам был помещён в медаль оббитую звёздами и гербом. За ней шли ещё две чеканные вставки, на которых были изображены медали. Из-за темноты было не прочитать их

названия. Но в голове уже повторялись слова «Герой Социалистического Труда». Станция кончалась, дальше ступеньки поднимались в вестибюль, а с обоих боков были два тоннеля на станцию «Студенческая».

В голове созрела идея. Что-то зажглось в голове.

Точно! Поезда не ходят, но это не значит, что нельзя передвигаться между станциями! Отец работал на Южном вокзале, а значит, он мог спастись на ближайшей станции. Под Южным вокзалом располагалась станция-тёзка. Её глубина было куда больше, чем этой станции. Значит, есть надежда повидаться с отцом. Надо всего лишь дойти до него.

Никита достал из кармана голубую, пластиковую карточку метро. На обратной стороне была схема харьковского метро. Кроме уже существующих станций метро, там были нанесены и те, которые существуют только в планах на будущее.

Ага. Так, с «Героев труда» идти до конечной станции. Там, перейти на «Советскую», а с неё рукой подать до «Южного вокзала». Десять станций, не считая этой. Этот путь на поезде занял бы чуть больше тридцати минут, если идти пешком — часа четыре.

Перед лицом был тёмный тоннель, тьма,

становящаяся темнее и темнее. Создавалось ощущение, будто смотришь в край света, за которым ничего нет. На самом краю была металлическая калитка с надписью: «Обережно висока напруга!», закрытая на замок. Никита перевёл взгляд с платформы на пути. Рельсы были блестящие, накатанные колёсами поезда и отражали красный, тусклый свет ламп. Он стоял, никак не решаясь спрыгнуть. Осмотрелся, не смотрит ли на него кто-нибудь.

Спрыгнул вниз.

Вид с путей на станцию был не привычен, будто она стала больше и выше. Никита стоял одной ногой на лотке, второй на шпале, под платформой шёл контактный рельс. Путь отсюда до «Южного вокзала» был большой, но желание найти отца было больше: найти его, несмотря ни на что.

Внизу чувствовался запах креозота, которым были пропитаны шпалы. Со стороны тоннеля веяло слабым, прохладным сквозняком. Никита достал из кармана свой телефон и включил на нём фонарик. В тёмное жерло тоннеля проник маленький луч, освещающий только на пару шпал вперёд, вдали был слышен гул от какой-то установки.

Картину было не передать словами. Наверное, всё, что делаем в первый раз, для нас кажется чем-то необычным, интересным, волнующим. Никита осветил стены и потолок тоннеля, снизу

казалось всё большим, не таким, как с платформы, когда ожидаешь поезд и смотришь, как он подъезжает к станции, освещая своим очагом весь тоннель. Нерешительно зашагал вглубь, пока пространство тоннеля не поглотило его полностью.

Идти по шпалам было неудобно, промежутки между ними не помещались в обычный шаг Никиты, приходилось либо делать маленькие шажки, либо переступать через одну: теряешь внимательность — проваливаешься между шпалами. Светя слабым фонариком телефона, Никита освещал четыре-пять шпал перед собой, ощущение замкнутого пространства и темноты сжимало со всех сторон, гул становился громче. Монотонное пространство тоннеля стало меняться в беспорядочный хаос. Кабели, держащиеся на кронштейнах, свалились на рельсы и расползлись, как змеи, в разные стороны, Никита стал переступать их, стараясь не зацепиться. Пройдя через змеиное ложе, устался в завал. Тоннель, засыпанный кусками железобетона, смешанными с землёй и арматурой до самого верха. Путь был завален.

Тупик. Куда теперь?

Слева было техническое помещение, с которого шёл тот самый гул. Переступив контактный рельс, Никита аккуратно пролез через узлы кабелей, растерзанных завалом. Пройдя узкий

коридор, вошёл в большое просторное помещение. Оно было освещено лампами накаливания, висящими вдоль рядов с большими сооружениями из труб и баков, окрашенных в жёлтый цвет. На каждом было начертано название грубыми красными буквами: «ВОЗДУШНЫЙ ФИЛЬТР 1», «ВОЗДУШНЫЙ ФИЛЬТР 2». С левой стороны был дверной проём, светя под ноги фонариком, Никита пошёл к нему. Небольшой коридор с вытяжками, дверь из решёток.

Коридор закончился и вокруг был снова тоннель, слева горели красные огни ламп. Это был восточный тоннель, идущий от «Героев труда». Противоположный тому, в котором был Никита. Справа был чистый путь, без завалов. Пошёл направо, в сторону «Студенческой». Недолго пройдя по шпалам, Никита снова уткнулся в тупик. Здоровенная, железобетонная свая, нырнувшая в тоннель, пробила его и плотно загородила путь, а рваные куски бетона и земли укрепили баррикаду.

Куда дальше?

«Героев труда» стала ковчегом для выживших, укрывшая от гневных очей Бога. Станция, уплывшая в никуда в этом умершем океане жизни, в надежде найти знак спасения и выйти на сушу. Пути отсюда не было. Не давала покоя мысль о том, что если разрушены тоннели, то станции могло тоже завалить.

Выжили ли другие станции, пока оставалось вопросом. Отсутствие связи с внешним миром порождало неизвестность происходящего. Может, на самом деле нет никакой цивилизации, и никто не придёт на помощь? Может, мы вообще не доживём до их спасения, и нас просто завалит всех к чертям? Вдруг эти здоровые махины с воздухом перестанут работать, и мы просто нахватаемся радиации или просто задохнёмся? А вдруг оставшееся человечество на планете сидит именно на этой станции?

Вдруг все погибли?

Никита уже подходил обратно к станции, освещая себе путь фонариком телефона. Вблизи тлели лампы станции, на ней царила тишина. Осветив конец тоннеля, слева увидел чугунную лестницу. Никита стал забираться по ней, стараясь не грюкать, чтобы не привлекать внимания. Поднялся на платформу станции. Оглянулся назад на тоннель.

— Стоять! — со стороны станции послышался голос.

Двое полицейских гнались за человеком, в его руках была сумка, явно не мужская. Сбросив лишний груз, он бежал в сторону тоннеля, с которого вышел Никита.

— Лови его, парень! — крикнул коп Никите.

Вор был уже рядом, в десяти шагах. Надо

было решать. Помочь или побыть в стороне? Стать маленьким героем или не выделяться с серой массы? Никто никому не обязан или всё-таки мир построен на взаимопомощи?

Тело и инстинкты уже сделали выбор, выполняя приказ, не ожидая ответа разума. Никита схватился за преступника, и они оба повалились на гранитный пол. Кряхтя на полу и собравшись с мыслями о произошедшем, вор поднялся для новой попытки побега. Но его планы оборвал коп, заломивший его руки за спину. Он беспомощно отдался копам.

— Ну всё, воробушек, допрыгался, — кинул фразу полицейский.

— Ах ты урод! Слышишь, пацан, я тебя запомнил! Я тебе припомню! — угрожал заломленный вор.

— Разговорчики на ноль, — отрезал коп.

— Рома, ключ с собой?

Напарник, соглашаясь, кивнул головой и достал из-за пояса серебряные наручники. Надев на руки вора кандалы, все поняли, что деваться ему уже некуда.

— Ну и славненько. Этого сейчас в обезьянник, потом закончим смену. Завтра с утра дозу мерить пойдут, надо будет постоять у заслона.

Вора повели вверх по ступенькам в неудобной, скрюченной позе. Поднявшись вверх к

вестибюлю, копы вспомнили про Никиту.

— Чуть не забыл, спасибо, парниша. Знай, в долгу не останемся, — похвалили копы Никиту.

— Та шавки вы все, и крыса эта тоже! — не мог успокоиться преступник, после чего получил с кулака в живот, что ему, судя по стону, не понравилось.

Делая добро, будь готов взять на себя грязь зла. В жизни не как в сказке, за хорошие поступки не получишь медные трубы. Вор, пойманный с помощью Никиты, явно хотел бы ему отомстить, а копы, которые сказали, что не останутся в долгу, из него и не выйдут, просто забыв про Никиту. Но в жизни бывает, конечно, по-разному и не стоит всё заносить в один шаблон. Хотелось верить в лучшее.

На часах было два часа ночи, время тянулось, как резина, Никита уже не знал, как его скоротать. Он пошёл на своё место у балкончика. Проходя через всю станцию, он заметил, что не он один страдает бессонницей. Многие выжившие на станции сидят, разговаривают, залипают взглядом в никуда, читают газеты, купленные вчерашним днём в переходе, где написаны последние известия. Другие спали: видимо те, кто с самыми железными нервами.

Около вестибюля до сих пор никого не было, так же темно и пусто. Никита снял рюкзак, приложил его к стене и улёгся. Достал телефон, на

нѐм оставалось мало заряда, он жил практически на последнем дыхании. Решил глянуть напоследок фотографии. Вдруг больше не предстоит увидеть их снова.

Фотография с выпускного, где он с одноклассниками в белоснежных рубашках и синей лентой вокруг неё. Там был и Женя. Поступление в вуз, главный вход, рядом он и Слава. Они ещё плохо знали друг друга. Шашлыки, отец. Фотографии с лабораторными работами и формулами, расписание пар, как же без этого. Фотки города, пейзажей. Новый год, ёлка, снег.

Всѐ, что мы теряем, становится ценным. Всѐ было в прошлом, мир измениться навсегда. Всѐ станет по-другому. Телефон выдохся до последнего, полностью потухнув. Память о прошлом ушла вместе с ним. Никита безнадежно продолжал смотреть в тѐмный экран, потом что-то перемкнуло и он будто вышел из транса. Положил телефон обратно в карман штанов.

Теперь это бесполезная вещь.

Попытки уснуть, как всегда прошли напрасно. Голова была забита мыслями до потолка, про то, что станция отрезана от всего мира, про фильтры, вора, пойманного с его помощью. Лѐг, крутился по сторонам, пытался уснуть. Снова открыл глаза, осмотрелся, тихо. Снова закрыл. Было ощущение, что он так лежит целую вечность.

Надоело. Никита высунул голову с балкона, на табло было пять часов утра, с тоскливым взглядом опустил обратно на пол к рюкзаку.

— Игорь, ты ключ взял? — рядом со ступенек издавались голоса.

— Да, — пробормотал Игорь.

— Хорошо, куда уже Саша с ДП-шкой делся?

— Та вот он тянется.

— Саша, быстрее сюда.

— Всё, собрались? Теперь за дело.

На вестибюль поднялось трое работников в серых комбинезонах и натянутыми на макушку противогазами с хоботом и круглым фильтром на конце. У одного из работников был измерительный прибор, и палка, на конце которой был зонд для измерения. Это, судя по всему, были дозиметристы, которые и должны были проверить фон наверху. За ними подтянулись те самые два копа, один был с укороченным автоматом Калашникова. Они даже не заметили лежащего у стены Никиту, поспешив к стеклянным дверям, ведущим в подземный переход с закрытым заслоном. Никите стало интересно, он поднялся, надевая на себя рюкзак, и пошёл за ними.

Вышел в переход, там двое полицейских разговаривали в сторонке, увидев Никиту, обернулись на него.

— Парень, иди отсюда, тебе здесь нельзя.

— Да ладно тебе, Ром, это же тот парень,

забыл? Пусть постоит, посмотрит, — защитил от своего напарника коп.

— Лады, — тот отвернулся к дозиметристам.

Никита решил осторожно подойти.

— Как зовут тебя? Гроза преступности, ха-ха, — улыбаясь, спросил коп.

— Никита.

— О, Никита, хорошее имя. Меня Серёга, можешь называть Спартак, вот мой напарник, Ромчиком зовут. Ромчик поздоровайся.

Поздоровавшись с полицейскими, Никита выглянул из-за их широких плеч, рабочий дёрнул за рычаг, затворы стали с громким звуком вылезать из стены.

— А, тебе интересно, что это? — Спартак не собирался умолкать. — Это у нас гермозатвор, за ним ещё такой же. Это буферная зона, защищает станцию от проникновения заражённого воздуха. Сейчас дозиметристы зайдут в буферную зону, закроем этот заслон, потом откроем следующий, что ведёт на поверхность.

Стальная скала перестала шуметь, и двое в комбинезонах потянули заслон в сторону, прокатившись, как по маслу, на рельсах, гермозатвор закатился внутрь стены и пропал из виду. Все четверо в комбинезонах зашли в маленькую буферную зону, примерно три метра в длину, подав знак жестом, и к затвору подтянулись

копы.

— Эй, паренёк, не хочешь помочь погонять дверьку? — попросил помощи Спартак.

Никита взялся за выемку в заслоне, аккуратно по команде Спартака потащил гермозатвор из стены. Не смотря на массивность заслона, он катился по направляющим легко, не сбавляя хода, заехал в другую стену и упёрся.

— Ром, запечатай.

Рома шагнул к рычагу и задрал его вверх, стальная стена начала прижиматься к краям перехода, издавая шум.

— Не пугайся, это герметизация, — успокоил Спартак, — затворы выходят и намертво цепляются к стене, никакая пылинка не залетит.

Издался звук вызова с динамика, Рома потянулся к рычагу левее первого. За заслоном было слышно шум.

— Вот так, сейчас они замеряют дозу, по измерениям можно будет определить, можно ли уже выходить или нет, — Спартак объяснял Никите.

— И можно будет снова жить в Харькове?

— Посмотрим.

— Что-то они сигнал на закрытие не подают, — заволновался Рома.

— Странно, подожди.

Только через две минуты по ту сторону

заслонов подали сигнал на закрытие, Рома дёрнул рычаг вверх.

— Что-то долговато они там копошились, ну ладно, ждём, — отдавая приказ, Спартак отошёл к магазинчику рядом с затвором. Он заглянул за витрину, рассматривая содержимое прилавков.

— Ты посмотри, брелки и сувениры, Ромчик, не хочешь купить? — шутя, спросил Спартак.

Ромчик улыбнулся в ответ, покачав головой, словно ему уже наскучили эти вечные шутки Спартака.

Ведь не все бы смогли не упасть духом и во всём находить плюсы, успевая шутить там, где обычный человек впал бы в отчаяние. Копы оказались хорошими людьми, такими же, как и простые люди. На вид железные, бесчувственные, серьёзные. А отвлекаясь от работы, показывали свою человеческую сущность.

Замолчали, тишина была полная, от станции не выходило ни звука, а гермозатворы были глухой преградой, через которые ничто не просочится. Спартак заинтересовано заглядывал в глаза Никите, придумывая у себя что-то в голове. Его взгляд отпугнул Никиту так, что ему захотелось уйти отсюда.

— А вот скажи, только честно, — на полном серьёзе спросил у Никиты Спартак, — А что ты делал у самого входа в тоннель?

Никита немного испугался от такого вопроса, он даже не знал, запрещено ли было лазить там?

— Стоял, просто было интересно.

— А калитка сама по себе открылась? — поймал за крючок Никиту. — Ну ты не ври, мы же не на расстрел тебя ведём.

Никита почувствовал тревогу внутри себя, будто у мальчишки спросили, откуда у него спички. Помявшись на месте, решая, что ему ответить, всё-таки сказал правду.

— Я... Я хотел пойти в сторону Южного вокзала... Найти одного родного человека. Но оба тоннеля к «Студенческой» обвалены, и я вернулся.

— Видимо, очень родной человек, что ты готов был преодолеть десятки километров по тёмным тоннелям, даже не зная, какая опасность тебя подстерегает, — задумчиво сказал Спартак.

— Да.

Спартак с понимающим взглядом посмотрел на Никиту. Но в его взгляде показалась капля отчаяния и боли. Будто он потерял очень близкого человека. Никита не стал ничего спрашивать, забоялся.

— Ладно, это уже личное, не будем съезжать с темы, — Спартак вдруг снял с себя истинные маски и надел обычную, та, что на выход. — Ты это самое... Молчи про завалы, если узнают, что тоннели завалены и выхода со станции нет —

паника начнётся. Так что тсс.

Никита безразлично кивнул, соглашаясь со Спартакoм, люди его сейчас тревожили в последнюю очередь. Его беспокоила мысль о том, что он не сможет добраться до отца. Если придёт спасение, и Никиту с другими выжившими отвезут в ближайший уцелевший город, то, как он там найдёт отца?

Зажужжал звук вызова из небольшого динамика в коробе, прибитом к стене.

— О, прискакали, — обрадовался Спартак, — Ромчик, за штурвал.

Рома потянул рычаг вниз, за стальной стеной прозвучал ели слышный шум. Спустя некоторое время, послали второй сигнал, Рома задрал тот же рычаг вверх, затем поднёс руку к другому рычагу, опуская его. Ближние ворота стали вылезать из своих петель.

— Рома, тебе надо было в крановщики идти, — Спартак посмеялся, глядя на занятого рычагами Рому.

— Очень смешно, — Рома ответил сарказмом.

Копы стали задвигать гермозатвор вглубь стены, заслон катился еле шелестя по направляющим. Четыре работника уже сняли свои комбинезоны. На вид они были измотаны, будто полдня разгружали вагоны. Вытирая лица от пота, они вышли из буферной зоны и выстроились

кругом рядом с копами.

— Ну как там? — волнуяще заинтересовался Рома.

— Дайте закурить, — снимая с себя и бросая на пол старенький измерительный прибор, попросил дозиметрист.

— Дядь, ведь нельзя, — влез Спартак.

— Мне наплевать, что там писано законом, — дозиметрист отмахнулся.

Рома вытащил из внутреннего кармана пачку сигарет, вытянул папиросу и дал. Работник нервно взял её в зубы, достав зажигалку, стал чиркать. Пошёл дым.

— Ну так что? — невтерпёж повторил Спартак.

Дозиметрист, нервно куривший сигарету, игнорировал всех. Трое его напарников тоже не собирались за него говорить. Всосался в сигарету, выпустил клубы дыма. Было видно, что его попустило, судорожная дрожь в пальцах ушла.

— Надели мы противогазы, послали вызов, чтоб вы открыли. Заслон разгерметизировался, собираемся откатывать в сторону, а он не откатывается. Ни в какую не поддавался, будто что-то ему мешает. Ну мы все на него налегли. Покатился. Смотрим, а в упор к стене куча трупов этих... Меня там чуть не вывернуло, ещё наверху лежат, видимо хотели убежать куда-то. Хрен его

знает... Ещё знаешь, у заслона так лежали, видно, что сразу не померли.

— Интересно, что же их убило? — Рома задался вопросом.

— Может, из-за радиации? Или холода.

— Холода? Сейчас же апрель, — прищурился Спартак.

— А ты выйди, погрейся, — дозиметрист задрал руку вверх. — Там по ощущению ниже нуля.

Все стояли в тишине, переваривая услышанное и смотря на клубы дыма. Спартак задумчиво гладил подбородок.

— А что с фоном? — отойдя от полученной информации, спросил Спартак.

— Тоже ничего хорошего, за половину суток фон снизился всего лишь на пару рентген. Сифонит сильно. Шкала за двести бьет. Наверху и дня не простоишь, ляжешь. Может на третий день спадёт.

— Может, — задумчиво повторил Спартак.

— Так что получается, все, кто не успел спрятаться в метро, погибли? — Рому вдруг задели последние слова.

— Получается так, — сделал выговор дозиметрист.

Рома соглашаясь, промычал. Задумчиво зависнув взглядом на одном месте, он раскис. Все не смотрели на него, обсуждая дальнейшие планы. Он разочарованно опустил голову и достал из

портсигара последнюю сигарету. Зажёг и поднёс к губам.

Только Никита заметил его разочарование. Подходить к Роме он не стал. Да и делиться печалью с парнем, которого он знает пару минут, он явно не захочет.

— ...Знаете, а может, они задохнулись, там такие массовые пожары были, судя по всему. В жизни не видел. Окна домов чернющие, деревьев нет. И кругом этот пепел падает. Как снег.

Сигаретный дым клубился в воздухе. Не находя хоть малейшего сквозняка, он растворялся во тьме. Рома убрал от лица сигарету, потушив её об мраморную стену, швырнул в угол.

— Ладно, ребята, идите, вы, наверное, устали. Мы подыдем вторую смену, чтобы ваши наряды почистили. И вам советую помыться, — Спартак их выпроводил, изрядно подшутив в конце диалога. — А то мало ли что вырастет ещё.

Работники ушли, не прощаясь, оставив всё снаряжение в буферной зоне. Копы стали закрывать затвор. На Никиту никто не обращал внимания. Не находя больше ничего интересного, Никита развернулся и ушёл в сторону вестибюля. На электронном табло уже было семь утра, организму уже хотелось спать, не смотря на всё произошедшее, а голод заставил спуститься на станцию за порцией еды, которую раздавали

метрополитеновцы всем выжившим бесплатно.

Выпросив у дежурной по станции консервную банку, пошёл искать место, где можно было её утоптать. Желудок просил есть, жадно урча на Никиту. Пошёл в сторону своего ночлега, по пути подслушал разговор двух стариков. Один был худощавый, он сидел на лавочке, второй, в очках, уселся напротив него на большой, клетчатой сумке.

— ...Вот не веришь ты мне? Я тебе говорю, я посмотрел из-за здания, а там три ракеты летят, со стороны окружной, из России. Я хоть не с хорошим зрением, но такого не заметить невозможно.

— Ты хочешь сказать, что по нам Россия настреляла?

— Тут и так всё понятно, ракеты-то от них летели, как же ещё может быть.

— Чушь собачья, — вмешался рядом сидящий мужчина, — У них там противоракетный комплекс стоял. Они, скорее всего, отбивались.

— А от кого тогда? И кто по нам тогда попал?

Подошёл один из дозиметристов станции, Никита узнал его, он был на вылазке. Он уже был переодет в синюю форму.

— Я думаю Америка, — от неожиданного присоединения работника к диалогу, все повернулись к нему. — И по России, и по нам. По нашим соседям хорошо накидали, нас ещё пожалели, у нас и стрелять некуда, разве что район

ХТЗ. По нам высотными взрывами работали, потому что наверху всё считай, уцелело, а фон ужасный. А ещё что хуже — возможно, над нами подбили боеголовки, что летели на Белгород. Фон высоковат даже для грязных бомб.

— Вот оно как, — стал возмущаться старик, — эти гады заморские и нас в одну гребёнку: был Союз, не был, наплевать им.

— Полегче, дед, — стал успокаивать его работник, — это всего лишь догадки.

— Да какие догадки, тут и ежу понятно, что предали они нас. Всё. Всех скосил полосатый орёл.

— Санёк, хорош людей пугать, пошли уже, — перебил разговор его напарник.

Саша послушался приказа, развернулся и поспешил за напарником, а трое сидевших стариков, стали тихо обговаривать эту тему дальше, отвергнув от разговора Никиту. Он был слишком молод для такой компании.

Сами того не заметив, люди разрушили мир на мелкие частицы. Шум города, радость детей, играющих в песочнице, планы на завтра, мечты, историю, труды человека. Всё смелось одним взмахом и развеялось в воздухе, как пыль, растворившись, пропало навсегда. Возможно, те, кто выжили на этой станции, остались последними людьми на свете, и вся судьба человечества теперь зависит от них, эпоха закончена, человек доживает

свои последние дни.

Глаза слипались. Никита дошёл до своего ночлега, лёг в объятия холодного гранитного пола, от сонности даже он казался мягким и тёплым. Появилось странное ощущение привычности. Не пробыв и суток, Никита смирился с произошедшим. Или просто хотел спать.

Никита закрыл глаза, в надежде, что завтра проснётся и вместе со всеми выйдет на поверхность, и жизнь обретёт свой привычный характер. Если не в Харькове, то хоть где-нибудь. Он сможет связаться с отцом, найти его и высказать все мысли и обиды, а потом обнять и попросить прощения. Осталось лишь сегодня уснуть, а завтра дожидаться спасателей.

Но на следующий день никто не пришёл.

Глава 3

Запретный плод сладок

На следующий день никто не пришёл. И через день. И через неделю. Надо было действовать, а не сидеть, сложа руки и ждать пока спасут. Всегда было всем известно, что человек один не выживет. Другое дело, когда он не один. Образовавшись в общину, гнилые социальные стены ковчега обратились в твёрдый гранит, а демократия замазала щели. Работники метро стали героями в

глазах выживших. Это были люди, которые спасли от гибели сотни человек, они продолжали помогать и по сей день. А выжившие, чувствуя за собой долг, слушались их просьб и приказов. Деньги были забыты навсегда, они больше были не нужны, люди зарабатывали на еду трудом — помощи обществу, а общество поможет тебе. Работа была любой: убирать мусор, учить детей, оказывать медицинскую помощь, восстанавливать освещение, следить за порядком, добывать ресурсы с поверхности.

Недельные припасы заканчивались, и единственным спасением стало мародёрство на поверхности. Еда, вода, одежда, оружие, боеприпасы, бытовые предметы и медикаменты. Всё это приносили с поверхности, тащили даже мебель и стройматериалы для построек жилища. Люди перестали спать в спальных мешках после того, как стали тащить палатки и мебель. Некоторые не поленились построить себе дома из фанеры, занеся туда кровати, тумбочки, шкафы и всякое другое. Так, станция стала превращаться в маленький, подземный городок. Помогало разведчикам добывать ресурсы чуть ли не двадцать человек, используя только одежду закрытого типа и марлевую повязку, но это не спасало от лучевой болезни, которую многие подхватывали после двух, трёх вылазок. После этого люди больше не лезли

наверх, оставив это разведчикам в комбинезонах.

Праздники не были позабыты: Пасха, День Победы, День учителя, даже Новый год праздновался под землёй. Вспомнился Новый год... Хороший был день, особенный, который заставил забыть на время о всех бедах, что случились с человечеством. Разведчики приволокли и поставили посередине платформы настоящую ёлку, на которой осталась труха вместо иголок, а верхушка была пропалена дотла. Но приукрасив её дождиками и шарами, найденными на поверхности, она обрела почти такой же вид, как и в былые времена. 2016 год, последний, в котором люди жили по-настоящему, ушедший в небытие вместе с воспоминаниями. А наступивший 2017 год перекрыл старый, зарождая новую эпоху. Вторую эпоху возрождения.

У человечества появился шанс на возрождение. Через полгода появился на свет первый ребёнок-крот, который родился под землёй. Который чуть не погиб, если бы не разведчики, принёсшие нужные медикаменты из аптеки на поверхности. «Возможно, наши потомки смогут снова жить на поверхности», — так сказал Спартак, избавляя нас от такой возможности.

За всё прошедшее время мы с Дарвином сдружились, стали друзьями не разлей вода, помогая и выручая друг друга во всех делах. Узнав

про него больше, он стал мне, как брат. У нас было много общего. Он бы тоже хотел путешествовать. Рвануть в Техас и позабыть этот весь ужас. Я не знаю, как там в Техасе, но явно лучше, чем здесь.

Первое время мы с Дарвином помогали полицейским и разведчикам, исследующим пустоши Харькова, менялись сменами, карауля гермозатвор. Днём мы, ночью они.

Примерно через год пошли слухи про исчезновение разведчиков, уходящих за припасами в большой торговый центр, находящийся неподалёку от станции, и больше не вернувшихся на станцию. Эти слухи быстро распространились по общине и не на шутку напугали жителей. По этой причине, разведчикам запретили ходить в торговый центр, не смотря на его нетронутость припасов. Этот торгово-развлекательный центр прозвали «Харьковским треугольником» — запретный плод среди объедков. Некоторые говорят, что во всём виноваты бродячие собаки и стаи волков, приходящие из Журавлёвского леса, что был неподалёку отсюда.

Как только мне исполнилось восемнадцать лет, меня взяли в отряд разведчиков. К сожалению, комбинезона для меня не было, и мне выдали свинцовый фартук, который весил килограмм пять, если не больше, не смотря на его маленькую толщину. А поверх него я надевал

светло-коричневую парку, зимние чёрные штаны, обувал на себя большие берцы, а за спиной был мой родной рюкзак с нашивками рок-групп. До сих пор помню этот день, как вчерашний.

* * *

— Эй, ну ты собрался там? Хорош марафетиться, не на свиданку идёшь, — подгоняя, звал Никиту Саша.

— Да ладно, чего ты, человек волнуется, в первый раз всё-таки, — как всегда защищал его Спартак. — Ты лучше не бубни, а ДП-шку возьми.

— А смысл, если фон не падает уже год?

— Возьми, возьми.

— Лады, — Саша отмахнулся. — Но если вдруг потеряю, ты будешь виноват, — Саша скинул всю вину на Спартак.

— Ишь ты, какой хитрый, — улыбнулся Спартак, затем перевёл взгляд на Никиту. — Малой, может, ты противогаз возьмёшь или ты рукой прикроешься? — сдерживая смех, спросил Спартак.

Зайдя в буферную зону, Никита снял с прикрученного к стене крючка противогаз. Он отличался от старых серых «хоботов», вместо двух стекляшек для глаз у него был прозрачный каркас, посередине была самодельная резьба для фильтра.

— Нравится? Сами сварганили из маски для покраски автомобиля, сняли родные фильтры и склепали резьбу для фильтров ГП, — сказал Игорь за спиной Никиты, влезая в свой комбинезон.

— Как говорится, до чего прогресс дошел, — захохотал Спартак.

Взяв противогаз в руки, Никита осмотрел его, стекло противогаза вспотело, ещё когда тот висел на крючке в буферной зоне. Из-за перепада температур стекло любит запотевать. Никита протёр стекло рукавом куртки и надел на макушку, чтобы быстро можно было одеть.

— Стрелять умеешь? — Саша, взяв в руки укороченный автомат Калашникова, встал перед Никитой.

— Ну... В универе... С мелкашки.

— Понятно, — Саша достал из набедренной кобуры затасканный пистолет. — Пистолет Токарева, сделанный на века. Магазин на восемь патронов, без самовзвода, зато убойный, хоть стены дрови. А да, носи без патрона в патроннике, вещь-то на века, но может и по пятке шмальнуть. В общем, держи.

Саша дал Никите в руки агрегат. Весил он немало, на рукоятке была выгравирована серебряная звезда, обведённая кругом. Справа, на корпусе, было выцарапано «Тульский оружейный завод 1951 г». Сзади за затвором красовался

звездообразный курок.

— Где ты его взял? — Никита любовался пистолетом.

— Оружейный прилавок в торговом центре. Там были ещё ППШ, АКМ, трёхлинейка, в общем, старьё отреставрированное, — объяснил Саша, снимая с себя кобуру. — На, дарю. Чего мне с пустой кобурой ходить.

Никита принял подарок, застёгивая ремень кобуры ниже пояса на бедре, утрамбовав старенький ТТ, поблагодарил за подарок. Доверив Никите оружие, он стал чувствовать себя по-настоящему взрослым.

— Ну, поговорили, а теперь за дело, — поторопил всех Игорь. — Закрывайте нас.

Спартак и Рома взяли за заслон, покотив его с одной стены на другую, буферная зона стала тесной и маленькой. Затворы с шумом полезли в свои гнёзда.

— Так, смотри, от нас ни шагу. Маску не снимать, без надобности не стрелять. Брать только те вещи, которые есть в списке, в нас всё не вместится, — Саша дочитал инструктаж Никите. — Всё понятно?

— Ясно.

— Ну и хорошо, — сказал Саша. — Ах да, чуть не забыл, держи.

— Солнцезащитные очки? — удивился

Никита.

— Поверь, они тебе понадобятся.

Не рискуя узнать, зачем они, надел. Пространство вокруг стало и без того темным. Не было видно даже собственного носа.

Заслон сзади встал намертво, Игорь, подойдя к кнопке вызова, нажал на неё один раз. Гермозатвор спереди стал вылезать с петель. По ногам стал гулять слабый, холодный сквозняк.

— Надеваем противогазы, — ткнув в лицо противогаз, сказал Саша.

Взяв с макушки головы противогаз, Никита натянул его на своё лицо. В этом агрегате было неудобно, резиновые ремни сильно прижимали противогаз к лицу, а воздух, пропускаемый через фильтр, был в маленьких количествах.

Затворы слезли с гнёзд, стена перестала гроыхать, все втроем стали толкать металлическую стену, она откатывалась хуже, чем та, что сзади. Скрипела, цепляясь об застрявший в ней мусор и неровности.

Путь в мир мёртвых открыт.

Перед ними появился пустой, тёмный переход, а вдали за поворотом пробивались лучи света. С правой стороны были киоски с разбитыми вдребезги витринами и пустыми полками, а на полу было битое стекло. Трупов, про которые рассказывал дозиметрист, не было. Но на

гранитном полу были разводы, идущие к выходу. Они уже подошли к повороту, за которым были ступеньки, идущие на поверхность.

— Уважаемые пассажиры, за бортом минус восемнадцать, — смотря на прибитый к стене градусник, сообщил Саша.

— Тёплый такой октябрь, — Игорь дрожал от холодного сквозняка, который дул сверху.

Слева от ступенек была дверь в техническое помещение, Никита подошёл к нему. Его заинтересовали те самые красные разводы на полу, что шли прямым ходом за эту дверь. Никита опустил взгляд на ручку двери и стал протягивать к ней руку.

— Я бы на твоём месте не заходил туда, — неприятной интонацией сказал Игорь.

Никита убрал руку от ручки, опустив взгляд на пол. Там были кровавые разводы, вперемешку со сгнившими кусками тел. Даже через противогаз чувствовался трупный запах. Запах смерти.

— Это чтобы волки не спускались к нам, — объяснил Саша, — Пытались перебить запах всякой дрянью, чтоб не привлекало их. И нам кхм... Приятно.

У Никиты вызвало отвращение представление картины внутри этого помещения, отойдя от него, поспешил за своей группой.

— Тут аккуратней, мы никогда не проходим

через стеклянные двери выхода, да они и не открываются. Столько-то пробыв на морозе и без ухода, — объяснял Игорь. — Вот лаз, которым мы пользуемся, — показал на разбитое окно слева.

Двери были покрыты толстым слоем льда, а над ними продувался дырявый потолок, доживающий своё. Перелезши через оконную раму, Никита оказался на свободе. Он оказался на поверхности.

Мёртвый город. Снежное королевство, в котором правим не мы, а безжалостная стихия. Первое, что так сильно встревожило — это глухая тишина, которую перебивали скрипящие металлические конструкции. Вокруг был снег, а лёд, как виноград, заплетался на фасадах зданий, и свисал острыми ветками с выступов. Здания вокруг и вправду были почти не тронутыми, выбитые оконные рамы, выгоревшие квартиры и деревья. В некоторых зданиях был разрушен фасад, открывая наружу комнаты квартир. Через одежду проникал своими холодными лучами мороз, проходя сквозь тело и высасывая всё тепло. Город был похож на застывшую картину. Будто мир поставили на всеобщую паузу.

Теперь стало ясно, зачем нужны были очки. Солнечный свет, еле проникающий через многоэтажный слой свинцовых туч, даже так казался очень ярким, по сравнению с аварийными

лампами станции, к которому так привыкли глаза. Если бы не очки, то Никита, наверное, уже бы ослеп.

Саша достал из-за спины измерительный прибор, повесив на плечо ремень от прибора, одной рукой клацнул на нём тумблер. Прибор ожил и стал трещать с такой силой, что было тяжело назвать это треском. Второй рукой поднял стержень, на конце которого был зонд. Посмотрев на шкалу, почесал затылок.

— Полтора рентгена в час, — удивился Саша, — а полгода назад было два.

— Нам с тобой на пенсию пора, столько на себя уже взяли за полгода, ведь костюмы полностью не защищают, — сказал Игорь через хобот.

— Да, знаю. Так вон, скоро Дарвину восемнадцать будет, тоже будет ходить на вылазки, Никиту обучим, потом и нас заменит. А нас что, стариков. Хэх.

— Ладно, хорош тела светить, в торговый центр давай, — поторопил Игорь.

Саша с испугом на него повернулся, взгляд был непонимающим.

— Не бойсь, не к треугольнику. К «Дельфину» пойдём, — после этих слов, Сашу попустило.

Так они называли рядом стоящий с

«Харьковским треугольником» торговый центр. Такое название он получил из-за нарисованного дельфина на фасаде.

Слева стоял ряд магазинов с побитыми витринами, их внутренности были разворочены. Путь был через автовокзал. То самое место, где всё и началось, полгода назад, Никита стоял и смотрел на раскат конца света. Тот момент запомнился ему до конца жизни. Справа была дорога, усеянная брошенными машинами, за полгода они не успели заржаветь, но некоторые были сгоревшими дотла. Сверху на них лёг толстый слой снега.

Автовокзал. На нём стояли мёртвые, пустые автобусы, наблюдая за небытием, ждали своей кончины. Пройдя мимо, завернули налево, в ряды магазинов. Дальше начинался лабиринт крытого рынка. Пробоины в навесе пропускали слабые лучи света. Освещая заброшенные магазины, свет будто показывал представление, которое не имеет ни начала, ни конца. Они выглядели целее тех, что были у входа в метро.

Пройдя через крытый рынок, вышли на ещё один, сделанный из прилавков и брезентов. Он был сожжён дотла. На прилавках не было ничего, только прах, аккуратно засыпанный снегом. И всё.

Вышли на прямую дорогу к «Дельфину», за ним скрывался тот самый таинственный торговый центр. На парковке стояла дюжина машин, будто их

хозяева ушли за покупками и вот-вот вернуться к ним, чтобы сесть и уехать домой. Торговый центр, к которому они шли, был облицован разноцветным стеклянным фасадом, а на самом верху стены был тот самый дельфин, плавающий в грёзах прошлого. Этот торговый центр был очень близок к тому запретному, которому молва приписывала мистику и пропажу людей.

Группа шла в ряд. Саша впереди, Никита со старым пистолетом посередине, а Игорь прикрывал тыл. Проходя через могилы машин, оглядывались по сторонам, ожидая принять на себя удар. Вокруг было тихо и спокойно, легко посвистывал ледяной ветер, поэтому ничто не предвещало беды. Но что-то нагнетало. В этой пустоте чувствовался посторонний взгляд.

Пролезли внутрь через разбитые револьверные двери.

Темнота.

Саша включил фонарь, освещая просторный зал. Он был замусорен, а витрины магазинов были нещадно разбиты. Пройдя немного вперёд, дошли до развилки.

— Сейчас направо.

Свернули на развилке направо, в свете фонаря были видны в ряд стоящие тележки. Дальше шли бесконечные ряды касс, где люди когда-то оплачивали покупки.

— Пришли, — остановил отряд Саша и достал из кармана бумажку. — Здесь список необходимого.

Саша аккуратно разорвал его на три части, отдал по кусочку Никите и Игорю. Никита взял обрывок бумаги, там были неаккуратно начёрканы слова: канцтовары, посуда, столовые приборы, лампочки, батарейки.

Бытовая мелочь.

— Всё, разделяемся. В случае опасности кричим «контакт», можно и бранью, но лучше так, — Саша снова прочитал краткую лекцию.

Игорь и Саша разошлись за своими искомыми вещами. Пора было идти за нужными предметами. Всё необходимое со списка надо было найти в большом, тёмном гипермаркете. Лишившись источника света, который был у Саши, Никита достал из внутреннего кармана небольшой фонарик. Никита шёл около касс, освещая полупустые полки. Прошёл мимо консерваций, где уже Саша обгладывал полки, как стервятник. Дальше было несколько пустых рядов с пустыми полками. Ещё один пустой ряд. Дошёл до последнего, где было всё для быта. Это то, что надо.

Свет полез по полкам в поисках конкретного, что было занесено под слово быт. То есть посуда и столовые приборы. Перед лицом были стиральные

порошки. Нет, не тот стеллаж. Осветив другой, к удивительному везению увидел, что на полках была посуда, наборы ножей, ложек и вилок, сковородки, половники и прочая мелочь. Стащил со спины рюкзак, начиная наполнять рюкзак столовыми приборами, затем пошли тарелки. Они были фарфоровые, и Никита старался их не повредить, бережно складывая их у самой стенки рюкзака.

Это есть, что дальше?

Повернув голову в сторону, увидел новые ряды. И к тому же удивительному везению там были лампочки и батарейки, но их оставалось мало. Всё, что оставалось на полках, Никита сгрёб в рюкзак. Затем положил десяток лампочек, упакованных в небольших коробочках настолько тесно, что они даже не шурудили в них. Готово, дальше оставались не вычеркнутыми в списке — канцтовары. Пройдя пару ненужных рядов, наткнулся на небольшой, круглый стеллаж с открытками. Никита решил глянуть.

На нём были однотонные, одинаковые открытки с каким-то рисунком и красными словами внизу. Чем-то напомнило старые, советские плакаты. Взяв одну открытку с полки, Никита её рассмотрел внимательнее. Это была открытка на День космонавтики. Там красиво улыбался Юрий Гагарин в своём скафандре. Рядом с ним летела ракета, а в руках он держал что-то яркое,

пускающее лучи во все стороны. Звезду. Внизу надпись «Сказка стала былью». Незаметно, в самом краю открытки была упомянута дата праздника: красными буквами было напечатано «12 апреля».

12 апреля.

В этот день настал конец человечества. Полгода назад люди смотрели в календарь и совсем ни о чём не подозревали. О том, что этот день станет чёрным в календаре. В День космонавтики, люди запустили в воздух все запасы ракет. Не в космос. И не для исследования. И не с космонавтами на борту. Цель ракет была в пределах Земли.

Третья мировая война — сказка стала былью.

Никита положил открытку обратно на полку ко всем остальным, оставляя её навсегда здесь. Пылиться и гнить.

Никита дошёл до отдела канцтоваров. Он был не богат, его уже много раз навещали разведчики. Пару игрушек, лежащих на пустых стеллажах, десятков упаковок с тетрадами, папки для бумаги, ручки и карандаши. Пройдя мимо игрушек, открыл рюкзак и стал закидывать пачки тетрадей, насколько хватало оставшегося места в нём. Для тарелок, тетради играли роль защиты, они плотно прижались к тарелкам, тем самым защищая их. Собираясь уходить к кассам, как вдруг, увидел на полке с игрушками кубик Рубика. Никита не мог

так просто пропустить его мимо глаз. Остановился. Присев к полке с кубиками, взял его в руки и стал крутить. За прошедшее время талант в сборке не угас, разобрал, стал собирать.

— Твою мать! — за фразой пошёл сильный грохот, будто упал целый стеллаж, звук разбивания стекла дал намёк, что это где-то в разделе с алкоголем.

Никита спрятал кубик в карман и схватил фонарь, доставая из кобуры Токарева, побежал к звукам. Он даже не знал, что его ждёт. То самое существо с Харьковского треугольника по прозвищу Фурия. Разбойники, дикие волки.

Прибежавши к месту погрома, Никита увидел упавший стеллаж, опертый об витрины с мороженым, что не давали ему полностью рухнуть на пол. Сзади прибежал Саша в таком же непонимании, как и Никита.

— Что стряслось? — испуганно спросил Саша.

— Сам не знаю, на грохот прибежал.

— А где Игорь?

Из узкой щели, кряхтя на карачках, из-под рухнувшего стеллажа стал вылезать Игорь. Сашу пробило хохотом. Его смех был ещё смешнее ситуации, через хобот он был гудящий. Успокоившись, Саша отдышался.

— Слышишь, Че Гевара, ты чего тут за

революцию устроил? — опустив взгляд на мокрый пол и битое стекло бутылок алкоголя, встал, ожидая ответа.

— Чёрт, этот алкоголь до добра не доведёт. Ещё не пил, а уже чуть не убил, — всерьёз сказал Игорь, горя красным пламенем от стыда, — Не пей, малой, а то... Придавит полка, и всё.

— О — о — о, всё понятно. Опять за своё, — расстроился Саша, — Но теперь ты познал урок?

— Угу, — обиженно согласился Игорь.

— Ладно, хорош мариноваться, давай вставай, — протянул руку Игорю Саша.

Подняв с колен Игоря, направились к выходу, спрятав фонарики, пошли к выходу. Дойдя до револьверных дверей, по одному стали вылезать через них на улицу. Никита выполз последним, на выходе упёрся в неподвижные затылки Игоря и Саши. Никита, не поняв, что произошло, глянул аккуратно через их плечи.

— Контакт, — жалобно произнёс Игорь.

Перед входом в торговый центр собралась стая волков. Рыча, они окружили отряд. Саша достал свой укороченный автомат Калашникова, тихо снял его с предохранителя. Передёрнув затвор, поднял к туловищу, уперев его к плечу.

— Спина к спине, быстро! — отдал приказ Саша.

Стали спина к спине, Игорь достал свой АКМ.

Никита вытащил из кобуры пистолет и нацелился в серую морду волка. Она была страшная, а глаза были хладнокровные и голодные. Глаза настоящего хищника.

Сердце билось настолько быстро, будто хотело вырваться с груди. Уже был готов начать сражение с лютым врагом. Волки всё маячили и рычали, будто ждали действий вожака стаи.

— Саша, бери на себя левого, — Игорь скоординировал, — Я беру двух спереди, Никита — правого.

— Приготовились? Огонь! — из Сашиного автомата пошла очередь, один волк заскулил и перестал.

Игорь пустил свою очередь по двум спереди волкам, скосив одной очередью двоих. Никита нажал на курок, тишина. Через мгновение вспомнил и понял, что всё это время он ходил без патрона в патроннике. Быстро взвёл затвор, посылая патрон в патронник. Волк выскочил с места, летя в сторону Никиты. Выстрелил, останавливающей силой пули волка крутануло в воздухе и он упал у ног Никиты. Тихое эхо выстрела прошло по домам и отразилось, из дула выходил пороховой дым. Пуля прошла сквозь туловище волка. Из его пасти шёл пар, он ещё не умер, но и бороться за жизнь уже не мог.

Пять окровавленных тел лежало у входа, немного простояв в тишине, Игорь щёлкнул

предохранителем.

— Да, бывает и такое, — Игорь опустил автомат.

— Да, — согласился Саша, — вот тебе и боевое крещение, малой.

Никита спрятал пистолет в кобуру, пытаясь успокоить своё сердце. Саша тяжело вздохнул. Демонстративно закинул автомат за спину и пошёл вперёд.

— Ладно, потопали на базу.

* * *

С тех пор прошло два года с лихвой. Если верить календарю, то сегодня 10 марта 2019 года. С момента судного дня прошло два года и одиннадцать месяцев, и легче не становилось.

Саша и Игорь ушли из разведчиков по состоянию здоровья, они исчерпали себя. Ради детей, ради жизни других людей, ради общины. С того момента, как Дарвину исполнилось восемнадцать, он стал не только моим лучшим другом, но и напарником по вылазкам. Он был младше меня всего на два месяца. По закону общины, в разведчики могли брать с восемнадцати лет. Поэтому первые два месяца я ходил без него, каждый раз приходя с вылазки и рассказывая Дарвину, каково там наверху. А он слушал,

воображая себе в голове эти мёртвые улицы, засыпанные снегом, и выжженную землю без признаков жизни. Обучившись собирательскому ремеслу, он стал моей правой рукой, которой я могу довериться, как себе.

Проходили дни, недели, года, припасы исчезали прямо на глазах. Полки супермаркетов пустели, а за витринами аптек оставалась одна пыль. Нетронутых квартир, домов, магазинов и аптек становилось всё меньше. Люди стали бояться за будущее, но несмотря ни на что «Харьковский треугольник», проклятое богом место, оставался нетронутым. Загадочность и мистика этого места так и не спала, а, наоборот, возросла. Разведчики с южного вестибюля, рискнувшие туда пойти, — единственные выжившие, кто вернулся с этого «Харьковского треугольника». А если точнее, то единственный выживший из группы. Грач, парень-сказочник, его это очень привлекало. Эти все тайные исчезновения людей. В тот день он упросил свою команду снова пойти туда, потому что в прошлый раз он нашёл некую зацепку. Он видел фантома или призрака? Он был чёрный, переметался из стороны в сторону, а потом исчезал. Всё, что он оставлял после себя, это чёрные, вязкие следы. Он даже дал ему имя — Фурия.

И ему удалось их уговорить.

В тот день он пришёл измазанный в крови и

чёрных, непонятных пятнах. Он пришёл уже один. С тех пор он перестал говорить, а лишь рисовал в своём дневнике непонятное, чёрное, четвероногое чудовище. Такие новости только отпугнули людей, ужаснувшихся от рассказанной легенды. Но не все верили, подумав, что он просто сошёл с ума. Словам можно не верить, пока сам своими глазами не увидишь правду.

* * *

Чистое небо, плавающие в нём облака были в цвет заката. Снова нестерпимая боль, голова шла кругом, из-за чего не было понятно, где он. Стал водить руками по асфальту, засыпанном битым стеклом. Боль резко схватила за ногу, начиная резать её, медленно и мучительно, Никита закричал со всей силы.

Проснулся в холодном поту, вскочил с кровати и оглянулся. Это был сон. Тяжело вздохнул.

— Что такое? Снова кошмар этот? — у двери стоял Спартак.

Никита согласился, сонно мотая головой.

— Ну ничего страшного, такое бывает, что один и тот же сон снится. Всё пройдёт, — успокоил Спартак. — А, чего я зашёл. Замени меня в обезьяннике, подежурь часа два. Не сложно?